

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Андриана Карлсоновна, владелица детективного агентства «Шведское варенье», лежала обнажённая на шёлковой простыне золотисто-песочного цвета и вспоминала свой давний отдых в Паланге и, конечно, женский пляж с его прогретым солнцем песком, где все дамы, независимо от возраста, загорали нагими.

Ей вспомнилась особа бальзаковского возраста, которая, для того чтобы загорели все складочки в труднодоступных местах, широко раздвинула ноги навстречу солнечным лучам.

— Так можно и зачать непорочно от Ярилы, — пошутил кто-то.

— Скорее уж от их Сауле.

— От какого есаула? — удивилась третья из присутствующих дам.

— Не есаула, а Сауле, это их бог солнца.

Особа же, в чью сторону были направлены эти словесные стрелы, и глазом не моргнула.

* * *

Льётся музыка танго.
С неба светит луна,
Белые пляжи Паланги.
Я без тебя! Одна.
Ты — далеко-далече,
Не дарованный мне судьбой.
Мысленно в этот вечер
Я танго танцую с тобой.
Пусть никогда не встречу
Больше твой любящий взор,
Танго вдвоём каждый вечер
Мы танцуем в мечтах до сих пор.

(Муза, которая мимо пролетала.)

Глава 1

За железной дверью одной из квартир уже несколько дней стояла зловещая тишина. Не цокали весело каблочки, приближаясь ко входу, не щёлкал то и дело замок. Но кому какое до этого дело? Люди в наше время живут замкнуто, каждый за своей железной дверью. Советское добрососедство, когда и дверь, и душа были нараспашку, сменилось суровым англосаксонским — «мой дом — моя крепость». И принято это было буквально. Теперь даже соседи, живущие на одной площадке, не знают друг друга в лицо, и двери даже сотрудникам управляющих компаний открываются не всегда, а если и открываются, то весьма неохотно. Так что безмолвием одной из квартир никто не интересовался до поры до времени.

Первой встревожилась Лулу — воспитанная блондинка пепельного окраса. Сначала она пару раз вздохнула возле запертой квартиры, потом потянула носом воздух, встревоженно взвизгнула и нервно замахала роскошным хвостом. Почему хвостом? Потому что ничем другим махать Лулу не умела. Разве что ушами время от времени встряхивала. Лулу

была жизнерадостной и очень приветливой болонкой, живущей в квартире напротив. Услышав повизгивание своей любимицы, на площадку вышла жена профессора Черинского, Изольда Ростиславовна Черинская.

— Что случилось, Лулу? — спросила она, оглядываясь на порог своей квартиры. Её муж, Эдуард Леопольдович, уже три дня как был на симпозиуме в Париже. Изольда Ростиславовна на этот раз отказалась ехать вместе с ним. «Чего я там не видела, в этом Париже», — заявила она снисходительно. На самом же деле Черинская не захотела ехать за границу из-за царящей в мире неспокойной обстановки. В прежние стабильные годы она с удовольствием путешествовала с мужем по всему миру. Изольда Ростиславовна обожала своего мужа и без него чувствовала себя неуютно. «Если бы не Лулу», — подумала она и оборвала свои мысли, снова обратившись к собаке: — Милая, что там?

Лулу виновато замахала хвостом. Ей жаль было тревожить хозяйку. Но истина дороже. Болонка точно знала, что там, за железной дверью, что-то не так. Тем временем Изольда Ростиславовна подошла поближе и точно так же, как её любимица, втянула носом воздух.

— Чем это так противно пахнет? — проговорила она вслух. Подошла ещё ближе и нажала на кнопку звонка. Дверь ей никто не открыл.

Черинская хорошо знала хозяина этой квартиры, Севастьяна Павловича Игнатьева. Знала она и его покойную жену, Марину Геннадьевну, и их дочку, Глашу. Теперь уже Аглаю Севастьяновну, в замужестве

Ипполитову. Но теперь в квартире обитали посторонние люди. После смерти жены Севастьян Павлович переехал жить к дочери, благо зять не возражал, а внуки были рады деду. Квартиру же Игнатьев сдавал.

И вот теперь, стоя на площадке в лёгком шёлковом халатике и переминаясь с ноги на ногу, Черинская представления не имела, что делать. «Как это неудобно, — подумала она, — что мужа нет рядом. Эдик всегда точно знает, что нужно делать в том или ином случае».

— Лулу, — с беспомощным выражением лица обратилась она к собаке.

Та тихо гавкнула и побежала вниз по лестнице. Спустившись на следующую площадку, собака подбежала к двери квартиры, которая находилась под квартирой Игнатьева.

— Лулу, ты гений! — обрадовалась хозяйка и спустилась вслед за собакой. Она подошла к двери и нажала на звонок.

В этой квартире жила Ираида Матвеевна Ключевская. Долгое время она была ректором университета. И теперь, несмотря на свой преклонный возраст, всё ещё читала лекции по российской истории. Коллеги и руководство, но главное — студенты, называли Ираиду Матвеевну уникамом. Негласно считалось, что с её уходом для исторического факультета завершится целая эпоха. Её фамилия в глазах многих только подчёркивала значительность Ключевской как преподавателя, который, казалось, держал в гараже машину времени и умудрился лично побывать во всех эпохах, побеседовав конфиденциально

практически со всеми заметными историческими личностями.

Дверь открылась не сразу, и Изольда Ростиславовна, занервничав, спросила собаку:

— Лулу, как ты думаешь, Ираида Матвеевна сегодня не уехала в университет?

Лулу ободряюще гавкнула и посмотрела на хозяйку выразительным взглядом, как бы говоря: спокойствие, только спокойствие.

— Что же, тебе лучше знать, — вздохнула Черинская, полностью доверявшая чутью своей собаки. Нередко Изольда Ростиславовна думала о том, что Лулу такая же умная, как и её муж, профессор Черинский.

Вот и на этот раз Лулу оказалась права. Дверь хоть и с опозданием, но запахнулась.

— Это вы, девочки?! — радостно воскликнула Ираида Матвеевна. — Заходите. Тебя, Изольдочка, я угощу чудесным печеньем, которое мне вчера презентовал профессор Мирский. Впрочем, и Лулу, наверное, можно дать кусочек.

— Ираида Матвеевна! Мы с удовольствием, но в другой раз, — встревоженно проговорила Черинская и, посмотрев на собаку, проговорила: — Лулу кажется, что в квартире над вами что-то неладное случилось. Да, Лулу?

Собака подтверждающе гавкнула.

— Что там могло случиться? — недоумённо ото-звалась Ключевская.

— Нам кажется, — ответила Черинская, снова бросив взгляд на собаку, ища у неё поддержки, — что рядом с дверью неприятно пахнет.

— Ах ты, боже мой, — всплеснула руками Ираида Матвеевна, — хорошо, пойдёмте, понюхаем. Эдик ещё не вернулся? — спросила она Изольду Ростиславовну.

— Нет, он приедет только через неделю, — ответила Черинская и пожаловалась: — Мы с Лулу так одиноко чувствуем себя без него.

Собака подняла ухо, делая вид, что задумалась, но не издала ни звука в ответ, решив не расхолаживать хозяйку. Ведь узнав, что и Лулу чувствует себя без хозяина беспомощной, она могла вообще опустить руки. А допустить этого Лулу не могла.

Подойдя к двери, вызвавшей подозрение у Лулу, Ключевская нажала на звонок.

— Я уже звонила, — тихо сказала Черинская.

Ираида Матвеевна принялась и проговорила:

— Да, девочки, боюсь, что вы правы, запах из-под двери идёт, мягко говоря, неприятный.

— Что же делать? — испуганно округлила глаза Изольда Ростиславовна.

— Звонить в полицию! — отрезала Ключевская.

— А может, сначала Севастьяну Павловичу? — просительно проговорила Черинская.

— Ему параллельно! — отрезала преподавательница истории.

— Как это параллельно? — совсем растерялась жена профессора Черинского.

— Я позвоню в полицию, а вы звоните Игнатьеву. У вас есть его телефон?

— Нет, — покачала головой Изольда Ростиславовна, — Эдик где-то записывал, но я не интересовалась где.

— И как он только вас одну оставил? — вырвалось в сердцах у Ключевской.

— Я сама не захотела поехать, — жалобно проговорила жена профессора.

— Зря! — категорично заявила Ираида Матвеевна.

— Теперь и сама вижу, что зря, — вздохнула женщина и добавила: — Если бы не Лулу...

Но Ключевская её не дослушала.

— Идёмте ко мне. У вас мобильник с собой?

— Сейчас возьму, — Изольда Ростиславовна метнулась было в прихожую, но увидела, что Лулу уже держит её сотовый в зубах.

— Молодец, девочка! — похвалила Ключевская собаку.

Все трое спустились вниз. Ираида Матвеевна быстро нашла номер телефона Игнатьева, сунула его под нос соседке сверху — звони! Сама позвонила в полицию и коротко изложила ситуацию.

Изольда Ростиславовна тем временем всё ещё объяснялась с Игнатьевым. Севастьян Павлович никак не мог понять, чего именно от него хочет соседка.

Ираида Матвеевна решительно взяла мобильник из холёных рук профессорши и проговорила:

— Сева! Ты меня слушаешь?

— Ира? — удивился Игнатьев. — Что у вас там случилось?

— Случилось что-то в твоей квартире! Не разглажь! Бери ноги в руки и дуй сюда! Понял?

— Понял! Еду, — отозвался Игнатьев.

— Мы будем у Изольды, — сказала Ираида Матвеевна и отключила связь.

Но уйти в квартиру Черинских они не успели. У кого-то внизу сработал домофон. Дверь в подъезд распахнулась, и по лестнице загромыхали шаги сразу нескольких ног.

— Полиция приехала, — сказала Ключевская и оказалась права.

Первым на лестничную площадку ступил молодой широкоплечий мужчина.

— Капитан Турусов Виталий Сергеевич, — представился он. Его тёмно-карие глаза внимательно осмотрели женщин.

— Я Ираида Матвеевна Ключевская, а это Изольда Ростиславовна Черинская, это Лулу, — машинально представила она и собаку, — мы соседи.

— Что тут у вас произошло? — спросил Турусов обеих женщин сразу.

Лулу громко тьякнула, вероятно, хотела сообщить, что это именно она подняла тревогу. Но капитан проигнорировал собаку, ответила ему Ключевская.

— Вот из этой квартиры, — она указала на дверь рукой, — идёт подозрительный запах.

— Кто хозяин квартиры?

— Севастьян Павлович Игнатъев.

— Он живёт один?

— Он не живёт! — внезапно выкрикнула Изольда Ростиславовна.

Суровый римский нос капитана повернулся в сторону профессорской жены.

— Что? — спросил он несколько недоумённо.

— Я хотела сказать, что Севастьян Павлович сейчас не живёт в этой квартире, — ступевалась Изольда Ростиславовна.

— Кто же здесь живёт? — На этот раз капитан почему-то посмотрел на Лулу.

Но собака отвернулась, оскорблённая до глубины собачьей души первоначальным невниманием полицейского к её особе.

— Этого мы не знаем, — вступила в разговор Ираида Матвеевна, — Игнатьев сдаёт квартиру. Кому именно, нам неизвестно.

— У вас есть его телефон? Адрес проживания?

— Есть. Мы уже позвонили ему, и он сейчас подъедет.

— Хорошо, не будем пока вскрывать квартиру, пождём. Но недолго, — предупредил Турусов и добавил: — Вы обе будете понятыми.

Обе женщины закивали. Лицо Ключевской при этом ничего не выражало: ни волнения, ни любопытства. А Черинская выглядела испуганной и машинально придвинулась поближе к Лулу.

В это время зазвонил телефон Турусова.

— Слушаю, — мгновенно отозвался он. Помолчав, проговорил тоном, каким информируют начальство: — Мы на месте. Здесь подозрительная квартира. Соседи, вернее, соседки, вызвали полицию. — Вероятно, его перебили, потому что он замолчал, выслушал собеседника и пояснил: — Квартира принадлежит пенсионеру. Он её сдаёт. Скоро должен подъехать. Вскрывать квартиру не стали, к чему лишний шум поднимать. — Снова пауза, после которой капитан отрапортовал: — Понял, — и отключил связь.

— Итак, барышни, — сказал он, повернувшись к женщинам.

От удовольствия взвизгнула только Лулу. Ираида Матвеевна посмотрела на него строго-осуждающе, а по лицу профессорской жены было видно, что она чувствует себя оскорблённой.

— Прощу извинить меня, — проговорил капитан, — я лишь хотел сказать, что хозяин квартиры задерживается.

— Он же не на ковре-самолёте летит, — ответила Ираида Матвеевна.

— Согласен, — ответил капитан, — но полиция не может дневать и ночевать на лестничной площадке в вашем подъезде. — Не удержавшись, он добавил: — Даже в обществе таких обаятельных дам, как вы.

Ираида Матвеевна фыркнула, а Изольда Ростиславовна слегка зарумянилась, подумав при этом про себя: «Ах, какой шалун».

И только Лулу не проявила на этот раз никаких эмоций. Видно, что ей больше понравилось обращение «барышни». Ведь она по сути своей была ещё юной девушкой, хоть и собакой, а значит, как ни крути, барышней.

Капитан уже хотел послать одного из своих сотрудников за слесарем, как дверь подъезда открылась, и кто-то стал торопливо подниматься по лестнице. Вскоре на лестничной площадке возник запыхавшийся мужчина преклонного возраста.

— Что случилось? — закричал он, обводя взглядом всех присутствующих.

Не дав ответить ни одной из женщин, капитан спросил:

— Вам принадлежит эта квартира? — он кивнул в сторону квартиры Игнатьева.

— Моя! Чья же ещё! — ответил тот несколько невпопад.

— Ваши соседки вызвали полицию. Я Турусов Виталий Сергеевич, — капитан развернул перед глазами пенсионера своё удостоверение и попросил: — Представьтесь, пожалуйста.

— В чём, собственно, дело? — начал возмущаться Игнатъев, но потом махнул рукой и назвал себя: — Севастьян Павлович Игнатъев.

— А теперь откройте, пожалуйста, квартиру, — попросил капитан.

— Но... — начал пенсионер.

— Севастьян Павлович, — на этот раз сердито прервала его Ключевская, — принимайся сам! Изпод двери твоей квартиры несёт скотобойней!

Игнатъев вскинул брови, и присутствующим показалось, что пенсионер сейчас произнесёт возмущённо: «В моём доме попрошу не выражаться». Но он снова только махнул рукой, полез за ключами и открыл дверь. И когда она распахнулась, одуряющий запах хлынул на площадку волной. Даже ко всему привыкшие сотрудники полиции стали прикрывать нос кто чем мог. Жена профессора достала из бюстгальтера надушенный шёлковый платочек и закрыла им почти всё лицо.

— Понятые, — проговорил Турусов, когда опергруппа уже шагнула в квартиру.

Неожиданно для капитана Ключевская подбежала к лестнице и стала подниматься вверх.

— Вы куда, гражданочка?! — крикнул он.

— Я сейчас Даню приведу. Он живёт над квартирой Игнатьева. Будет понятным.

— Двоих достаточно! — попытался остановить её капитан.

— Вы на Изольду посмотрите!

И капитан посмотрел. Изольда Ростиславовна, белая как мел, кажется, собиралась упасть в обморок. Усатый участковый опередил кинувшегося было к ней капитана и подхватил её на руки.

— Куда мне теперь девать дамочку? — растерянно спросил он, держа на руках профессорскую жену.

К этому времени успела вернуться Ключевская.

— За вашей спиной её квартира, дверь открыта, просто толкните её плечом и внесите Изольду.

— А дальше? — спросил участковый.

— Степаныч, да брось ты там её на какую-нибудь мягкую мебель! — выкрикнул кто-то из оперов.

— Понял. Но она вроде без сознания, — с сомнением проговорил жалостливый участковый.

— Полежит и очухается, — сказал капитан. — А если хочешь, вылей на неё стакан!

— Стакан он лучше в себя выльет, — пошутил кто-то.

— Шутники выискались, — прикрикнул капитан, — я имел в виду стакан воды!

Но Степаныч уже скрылся за дверью.

Вслед за Ключевской на лестничную площадку спустился долговязый парень лет двадцати двух или чуть больше.

— Это Даня, — сказала она, — студент-медик. В обморок не упадёт.

— Да уж постараюсь, — невесело улыбнулся парень и представился: — Даниил Александрович Мишин.

— Я бы вам сказал, очень приятно, — пробормотал капитан, — но не при этих обстоятельствах.

— Оно и понятно, — кивнул студент.

Лулу хотела было проскользнуть в квартиру Игнатьева вместе с полицейскими, но вовремя остановилась, вспомнив про свой собачий долг, и поспешила домой приводить в чувство и утешать собственную хозяйку.

Глава 2

Понятых попросили только взглянуть на труп. Ключевская держалась молодцом, Даниил тоже, хотя и побледнел слегка. Оба они ни разу не видели этого человека.

Хозяина квартиры пришлось отпаивать на кухне валерьянкой, он клялся и божился, что впервые видит этого гражданина. Он не отрицал того, что квартиру сдавал. Но приличной женщине-пенсионерке, правда, она сказала, что снимает её для своей племянницы, молодой женщины из маленького городка. Пенсионерка объяснила, что родственница свалилась ей как снег на голову.

— И что? — не сразу понял капитан. — Квартиру-то она зачем сняла?

— Я тоже так же у неё спросил, — ответил, утирая пот со лба, хозяин квартиры. — Она мне ответи-